

С РОССИЕЙ В СЕРДЦЕ

К 100-летию со дня рождения С. В. РАХМАНИНОВА

...Рахманинов совсем особенно принимал предгрозовые настроения и бурлящие ритмы русской современности: не разрушение и хаос слышалось ему, а предчувствие великих созидательных сил, возникающих из недр народных.

Борис АСАФЬЕВ.

...Как только Рахманинов садился за рояль — он преображался... Его руки, как крылья орла, взлетали над клавиатурой. Целый мир образов и картин открывался слушателям в музыке Рахманинова.

Сергей КОНЕНКОВ.

И хочется, чтобы дух его музыки, уроки его мастерства, светлый и милый образ его, как музыканта, огромная требовательность его к себе были восприняты молодым поколением...

Маризтта ШАГИНЯ.



будущее России безгранично...

...Все началось с Онега, что под Новгородом, с Ильмень-озера, с колокольни Федора Стратилата, в общем, со всего того, что окружало Рахманинова с детства и без чего он мог бы, наверное, стать композитором, но не таким. Лучшим или худшим — что сейчас гадать?! Главное, что не таким, не так бы начавшим Moderato Второго концерта, не так бы увидевшим картину Бёклина «Остров мертвых», не так бы отобразившим трагедию Алеко.

Россия жила в его музы-

кательское разорение вырвало его из радужного сна детства. Далеко где-то остался проданный за долги Онег и впереди — Петербург, столично-чопорный и величавый.

В общем-то, с Петербурга и начались серьезные занятия Сергея Рахманинова музыкой. Хотя какие же серьезные! Вмиг Сережа понимал то, что другим давалось тяжкими муками. И трудно представить, как бы сложилась судьба Рахманинова, если бы не пианист Александр Зилоти, настоятельно советовавший отправить Сергея в Москву, к известному педагогу Николаю Звереву.

Здесь же, в доме Зверева, состоялась встреча Рахманинова с Чайковским. Здесь же Чайковский, расцеловав юного музыканта, как бы благословил его быть российским композитором.

А музыка рождалась в нем исподволь. Он не всегда еще мог понять, что это его музыка, что это он ее сочинил. Да и Николай Зверев, желавший видеть в своем ученике исполнителя, но уж никак не сочинителя, не намерен был

тешить композиторское самолюбие Рахманинова.

И разрыв с учителем был естествен, необходим просто. Ведь Рахманинова ждала большая музыка. В первое же свободное от зверевских «штудий» лето семнадцатилетний Сергей едет в имение Ивановка, вблизи Тамбова. Там возникает замысел первого крупного сочинения — фортепьянного концерта, о котором Александр Скрябин напишет, что нет в нем еще самостоятельности, «но есть вкус, нервно-мелодия, и искренность, и несомненные знания».

После успеха «Алеко», дипломного сочинения композитора, на консерваторской сцене и практического провала оперы в Большом театре летом 1893 года Рахманинов живет в украинском городишке Лебедин, где рождались давно задуманная симфоническая фантазия «Утес», сюита для двух фортепьяно, которую он думал посвятить Чайковскому. Но судьба распорядилась иначе: этой же осенью он написал «Элегическое трио» памяти великого художника.

Потом снова была Москва, была частная опера Мамонтова, куда Рахманинов поступил дирижером, было знакомство с Федором Шаляпиным, которое переросло в долгую и крепкую дружбу. А в 900

году Рахманинов узнал Чехова, который оказал огромное влияние на композитора, был его другом и редкого вкуса советчиком. Это, конечно же, случайность, но случайность, претендующая на нечто большее: свое лучшее произведение, Второй фортепьянный концерт, композитор создал вскоре после знакомства с этим удивительнейшим писателем.

Слава Рахманинова-композитора растет. Замелькали столицы мира, центры музыкальной культуры — Дрезден, Лондон, Рим... Он ездил полномочным представителем России, ее богатейшей музыкальной культуры, которую зарубежный слушатель только только начинал открывать для себя. Доселе неслыханная музыка Рахманинова — вся безудержная, как его «Весенние воды», вся величественная, как кантата «Весна», вся суровая, как «Остров мертвых», вся русская, как его Третий концерт, — она начала пленять и весь мир...

В КОНЦЕ 1917 года Рахманинов, получив приглашение на концерты в Скандинавии, вряд ли мог знать, что навсегда покидает отчизну.

Он решился на этот шаг, стоивший ему неизлечимой ностальгии, замкнутости, в которой было все то же —

тоска по России. Это были страшные для Рахманинова годы. То, чем он жил в России, — композиторство — вынужденно уступило место концертной деятельности. «Дал 61 концерт». «20—25 концертов, которые начнутся 2-го ноября и кончатся 5-го декабря», — часто мелькают такие строчки в его письмах. Почти десять лет он ничего не сочинял, переживая глубокий душевный кризис.

Он ездил из страны в страну, из столиц в столицы, силы покидали его, но надо было жить, существовать — значит, играть, играть до боли в руках. Контракты, ангажементы, менеджеры и импресарио — стали трагичными спутниками русского композитора.

...Говорят, в тот вечер, 1 ноября 1941 года, Рахманинов играл так, как никогда в своей жизни. А после концерта весь сбор композитор передал советскому консулству в Нью-Йорке: «...Это единственный путь, каким я могу выразить мое сочувствие страданиям народа моей родной земли...».

В те годы он много играл, снова начал сочинять, будто далеко наперед знал, уверен был, что музыкальное будущее России, его родной земли, безгранично.

В. ТУРОВСКИЙ.

31 MAR 1973.

Л. МОСКВА